

НОВЫЕ КНИГИ

В. В. Леденев

Социальный капитал организованной преступности

Рецензия на книгу: Галеотти М. 2019. *Воры. История организованной преступности в России*. М.: Individuum. 448 с.

ЛЕДЕНЕВ Виктор Владимирович — магистрант программы «Эмпирические исследования права», Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А.

Email: vledenev@eu.spb.ru

Данная рецензия посвящена анализу русского перевода книги Марка Галеотти «Воры. История организованной преступности в России». В книге повествуется об исторической и современной организованной преступности в России. Галеотти не выбирает эксплицитно теоретическую традицию для своего нарратива, однако язык описания имплицитно способствует изображению преступности в экономических терминах. Цель рецензии состоит в систематизации и теоретическом осмыслении изображения Галеотти российской преступности в контексте её экономико-социологического понимания.

Рецензия состоит из четырёх частей. В первой части даётся общая характеристика работы. Во второй части преступность рассматривается в качестве конкурента государства в борьбе за возможность применять насилие. В описании Галеотти преступность проиграла эту борьбу, однако существовать не перестала. В третьей и четвертой частях рецензии мы обсуждаем ряд предположений о причинах этой долговечности.

Предположение, выдвинутое в третьей части рецензии, состоит в том, что живучесть преступности обусловлена широтой доступных ресурсов, которые включают не только насилие, но и социальный капитал, порождённый заполнением структурных пустот. Существенно утратив возможность конвертировать насилие в доход, организованная преступность стала выполнять роль посредника между спросом и предложением на незаконные товары и услуги. В четвёртой части выдвигается предположение о том, что живучесть преступности обусловлена децентрализацией. Замкнутость сетей на лидере может быть фактором эффективной концентрации ресурсов. Однако в контексте конкуренции силовых предприятий централизованность становится проблемой, поскольку мешает диверсифицировать ресурсы группировки, в том числе её социальный капитал, а также мешает действовать тайно.

Ключевые слова: организованная преступность; силовое предпринимательство; криминальная сеть; социальный капитал; структурные пустоты; замкнутость социальной сети.

Марк Галеотти — профессор Университетского колледжа Лондона, значительная часть научных и публицистических работ которого посвящена

России и, в частности, её правоохранительным структурам и организованной преступности. Одной из таких работ является книга «The Vory: Russia's Super Mafia», вышедшая в 2018 г.¹, переведённая в 2019 г. на русский язык под названием «Воры. История организованной преступности в России». Мы полагаем, что эта книга представляет существенный интерес для исследователей не только организованной преступности, но и теневой экономики и социального капитала.

Книга разделена на четыре части. Первые две части посвящены истории организованной преступности в России с XVIII века до 2000-х гг. Третья часть рассказывает об отдельных группировках, действовавших в России в 1990–2000-х гг. Четвёртая часть — о влиянии организованной преступности в современной России, её роли в конфликте в Украине (той стадии, в которой он был к моменту издания книги); также эта часть включает обсуждение возможных траекторий развития темы в будущем. Наша рецензия будет сосредоточена на первых трёх частях, поскольку четвёртая основана в значительной степени на более «политизированных» источниках (например, статьи в СМИ) и представляет, с нашей точки зрения, меньший теоретический интерес.

Тем не менее перед обращением к основной идее нашей рецензии мы дадим общую характеристику работы Галеотти, на которую уже было немало реакций, российских и зарубежных, публицистических и академических. Доступные нам иностранные рецензии содержат исключительно позитивные отклики на книгу. Чётко выраженную критику нам удалось обнаружить только в двух рецензиях, и она касалась недостаточной порой строгости при использовании понятий и того, что работа отчасти посвящена уже изученным историческим этапам российской преступности [Slade 2018], а также упущения из анализа отдельных случаев предполагаемых связей преступности с властью на востоке Украины [Kuzio 2019]. Однако даже в таких рецензиях общая оценка работы остаётся позитивной.

Лейтмотив других рецензий, если воспользоваться словами автора одной из них, следующий: «Книга определённо станет знаменосцем для любого, кто стремится понять тёмный мир российской организованной преступности» [Vincent 2019: 1092]. В таких рецензиях уделяется внимание преимущественно удачности описания истории взаимоотношений государства и организованной преступности. Иностранные авторы, иногда особенно сосредотачиваясь на упомянутой части 4 [Kuzio 2019], видят в работе Галеотти не только (да и не столько) историю российской организованной преступности, но историю взаимодействия преступности с государством, когда «государство не может быть под контролем бандитов, но их ценности и практики были отфильтрованы до верхов, чтобы придавать ему [Государству. — В. Л.] форму» [Weber 2018: 1470].

Насколько нам известно, академических рецензий на русском языке на книгу Галеотти ранее не было, а публицистическая реакция была более сдержанной [Гулин 2019] или негативной [Фочкин 2019]. Автор сдержанной рецензии предостерегает, что в книге «много немного наивной экзотизации, много грубоватых банальностей и штампов» [Гулин 2019], хотя, в конечном счёте, признаёт содержательную ценность книги.

Основная критика рецензии О. Фочкина, «который одновременно является и книжным критиком, и криминальным журналистом» [Фочкин 2019], сводится к некорректной, по мнению рецензента, работе с источниками, то есть чрезмерному доверию к западным исследованиям и персональным источникам Галеотти вперемежку с игнорированием «исторических справок»².

¹ См.: Galeotti M. 2018. *The Vory: Russia's Super Mafia*. London: Yale University Press. 344 p.

² В указанной рецензии также содержится объёмная критика описания российской преступности, предложенной Галеотти, но, по сути, эта позиция не подкрепляется какими-либо аргументами, помимо отсылки к персональному восприятию рецензента.

Таким образом, существующие рецензии подмечают несколько возможных проблем с работой Галеотти: недостатки работы с источниками, акцент на «экзотичных» деталях и недостаток научной строгости. Тем не менее общая оценка содержания работы остаётся высокой: Галеотти представляет читателю весьма обстоятельное описание истории организованной преступности в контексте её взаимосвязанности с государством. Мы можем лишь поддержать такую оценку.

Говоря об источниках и экзотичности, следует отметить, что предмет работы, явствующий из названия, предопределяет источники, которые использует автор, а именно мемуары, расследования СМИ, предшествующие исследования, публичные доклады государственных органов. Особо примечательно, что в работе нередки ссылки на частные разговоры с лицами, непосредственно связанными с преступной деятельностью, и сотрудниками российских правоохранительных органов, которые, согласно интервью самого Галеотти [Крючков 2016], известны ему ещё со времён написания в 1990–1991 гг. докторской диссертации о влиянии Афганской войны на СССР.

Такие источники требуют критического восприятия, поскольку могут предоставлять искажённую, неполную или как раз экзотическую картину в связи со своей субъективностью или недостаточностью информации. Галеотти отдаёт себе в этом отчёт, что признает в упомянутом интервью и о чём периодически сообщает при описании очередного удивительного случая из истории российской преступности. Так или иначе, работа представляет собой результат анализа огромного объёма сведений, содержащихся в источниках и позволяющих сформировать, пусть и в относительно лаконичной форме, достаточно полную картину российской преступности.

Что же касается научной строгости, то с этой критикой не всегда можно согласиться. Информационная ограниченность источников совпадает со стилистикой повествования: различные проявления организованной преступности описаны достаточно «широкими мазками». Более того, работа Галеотти написана в том числе с публицистической целью [Slade 2018] и, вероятно, для аудитории преимущественно вне (что, пожалуй, объясняет больший скепсис к работе в российской, но не в англоязычной среде [Bullough 2018; Davis 2018; Montefiore 2018; Hamill 2022]). В связи с этим некая вольность изложения не должна удивлять и закономерно требует в какой-то степени аккуратного отношения к описанию, предлагаемому Галеотти³. Однако, как будет показано далее, картина, которую рисует автор, в целом совпадает с тем, что известно об организованной преступности вообще и в России в том числе.

Мы полагаем, что книга будет интересна академической аудитории, однако потребует от неё критического настроя к источникам, а потому и к выводам. Для целей же нашей рецензии важно, что Галеотти, обращаясь в книге к различным формам организованной преступности в российской истории, раскрывает, как правило, в общих чертах, ряд тем и описывает судьбу банд на дату написания книги; взаимоотношения с государством и политикой; ресурсы; внутреннюю структуру преступных организаций.

В работе нет эксплицитной ссылки на основополагающий характер какой-либо научной теории, редки ссылки на теоретические работы, а сам автор старается избегать отвлечённых выводов и обобщений. Тем не менее в книге используется терминология из традиций сетевого анализа и изучения организованной преступности как экономического предприятия («корпорация преступного мира»), что имплицитно «выдаёт» автора и обуславливает наш анализ.

³ Например, в иностранных рецензиях отмеченная выше идея о влиянии организованной преступности на современную российскую власть описывается будто безусловно доказанная, хотя сам Галеотти старается избегать столь категоричных выводов, постоянно оговаривая лишь вероятность тех или иных случаев использования государством организованной преступности.

Конкуренция организованной преступности и государства

Галеотти описывает взаимосвязь российских организованной преступности и государства схоже с тем, что предлагает В. В. Волков [Волков 2012]: как конкуренцию двух бандитов — «оседлого» и «кочующего», или как конкуренцию силовых предпринимателей. Негосударственная силовая организованная преступность существует в описании Галеотти при условии слабости государства. Если такая преступность успевала перерасти в менее насильственную (силовую) форму, то она выживала с большей вероятностью. Расхождения, однако, есть в том, в каком виде выживание удавалось.

В дореволюционной России и СССР преступность расцветает на почве «ям», то есть беднейших районов, куда правоохранители старались не заходить, и ГУЛАГа, который в отдельные периоды был подконтролен «ворам», то есть организованной преступности, а не слабому в столь отдалённых местах государству. По Галеотти, причины были в нехватке, среди прочего, правоохранителей и их коррумпированности, то есть в проявлении слабой государственности. Преступность в ГУЛАГе пострадала от «ока государева» только после того, как оно обратило на неё внимание, направив сконцентрированные ресурсы (в том числе других заключённых) на борьбу с ней. После сворачивания ГУЛАГа и до наступления периода дефицита, характеризующегося ослабляющей оседлого бандита коррупцией, по мнению Галеотти, организованная преступность не играла существенной роли.

В последние годы СССР и позже тенденции не изменились. Из описания Галеотти следует, что наиболее успешными, как правило, оказывались ОПГ, которые успели снизить свой насильственный характер или изначально были построены не на нём, то есть не вступали в конкуренцию с государством за монополию на насилие. Солнцевская ОПГ начала участвовать в легальных фирмах, хотя и продолжала в обмен гарантировать им «крышу» и разрешать вместо судов споры. Предприятие Деда Хасана было основано прежде всего на дипломатичности его главы — «вора в законе», который смог доказать свою надёжность представителям различных этнических группировок, обычно не желавших сотрудничать друг с другом. Международно действовавшие российские группировки преуспевали либо в условиях слабой государственности (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия), либо в качестве посредников по поставке товаров и отмыванию денег через множественные фирмы по всему миру, то есть не в качестве силовых предпринимателей. Галеотти не упоминает насилия в связи с наркотрафиком из Афганистана, который процветает за счёт организации логистики уже в России с устоявшейся государственностью. ОПГ же, основанные на насилии, были лишены существенных активов (например, группировка Ровшана Джанаева утратила контроль над Черкизовским рынком) и (или) обезглавлены (Тариэл Ониани был депортирован в Испанию, ему запрещён въезд в Россию [МВД РФ 2019], а Ровшан Джанаев был убит).

На этом этапе существующая рамка конкуренции силовых предпринимателей непротиворечиво сочетается с работой Галеотти. Однако особо интересно описание Галеотти судьбы Тамбовской ОПГ и «Уралмаша» (на этих двух конкретных примерах останавливается в отмеченной работе В. В. Волков). Оба исследователя не расходятся в одном: излишняя публичность «кочующего» бандита приводит к усилению конкуренции со стороны «оседлого» бандита. Однако если для Волкова государство устранило «крупного конкурента, силового предпринимателя из криминальной среды» в лице Тамбовской ОПГ [Волков 2012: 227], а «ОПС “Уралмаш” перестало существовать как значимая сила в регионе» [Волков 2012: 233], то для Галеотти Тамбовская ОПГ, утратив единую идентичность, стала специализироваться на разрешении споров и защите имеющихся у неё рынков контрабанды и компаний, а «Уралмаш» не исчез полностью, но преобразился в локальную группу бизнесменов, которые отказались от публичности. Причины такого расхождения в описании могут крыться в том, какой формой экономического предприятия организованной преступности интересуются авторы, но также могут быть объяснены несколько иначе.

Российское государство можно рассматривать как оседлого бандита, который является конкурентом кочевого бандита, или российской организованной преступности, в борьбе за монополию на применение насилия. Вопрос, возникающий в связи с этим, заключается в том, какова судьба проигравших конкуренцию. По Волкову, монопольным силовым предпринимателем в итоге становится оседлый бандит [Волков 2012: 325], а негосударственные силовые предприниматели уходят в легальный бизнес или тюрьму. Однако работа Галеотти, сосредоточенная на организованной преступности в целом, даёт нам возможность выдвинуть предположения о других объяснениях и сценариях выживаемости преступности, связанных с децентрализацией и изменением основных ресурсов и продуктов.

Ресурсы и продукт организованной преступности в контексте конкуренции с государством

Экономические исследования насильственной организованной преступности в качестве ресурсов рассматривают информацию, репутацию [Gambetta 1993], а также социальные связи как почву для формирования группировки [Волков 2012]. Центральная роль при этом отводится насилию или принуждению, репутации субъекта, способного применить насилие. Продуктом таких охранных предприятий являются гарантии исполнения обязанностей как замена доверия насилием или принуждением [Gambetta 1993] или снижение информационной асимметрии за счёт создания предсказуемости контрагентов [Волков 2012]. В описании российской организованной преступности, составленном Галеотти, эти ресурсы и продукты безусловно играют свою роль, однако не исчерпывают список. Важным активом организованной преступности или участников соответствующих группировок, который можно усмотреть в описанных Галеотти ОПГ, является социальный капитал как ресурс, порождённый положением его обладателя в социальной сети [Burt 2001], а точнее — структурными пустотами в социальных сетях, но не их замкнутостью (*network closure*).

Прекращение деятельности конокрадов в дореволюционной России Галеотти связывает с повышенным вниманием государства к коням как военному ресурсу в период Первой мировой войны, а также с разрушением сетей сбыта коней, которые использовали конокрады. В неформальной экономике ГУЛАГа свою роль сыграли заключённые, которые могли выходить за пределы лагерей для организации торговли с внешним миром. Во времена дефицита и перестройки организованная преступность СССР стала, по выражению Галеотти, привратником между теневыми предпринимателями и населением, искавшим недостающие товары. В период утвердившейся государственности показательное функционирование афганского наркотрафика, основанного на деятельности отдельных банд, которые своими действиями создают цельную логистическую сеть, а также на деятельности посредников, которые могли предоставить гарантии исполнения обязательств обеими сторонами. Наиболее интересным является деятельность группировки Деда Хасана, чей успех Галеотти приписывает её лидеру: он смог объединить представителей различных по этничности группировок и лавировать между ними. Однако, как отмечает Галеотти, убийство Деда Хасана в 2013 г. сильно ударило по группировке, поскольку она утратила свой главный ресурс — связи, которые Дед Хасан не успел передать новому поколению руководителей.

Период 1990-х гг., когда монополия государства на насилие была поставлена под сомнение, оставляет нам много меньше материала для того, чтобы рассуждать о социальном капитале⁴: больше внимания на себя обращает насилие. Исключением является разве что дальневосточный «Общак», который сумел соединить российский рынок с китайской организованной преступностью, но после смерти лидера

⁴ Это, разумеется, не значит, что за пределами книги Галеотти нельзя найти почву для таких рассуждений. Силовое предоставление гарантий (Гамбетта) или манипуляцию чужим поведением (Волков) можно рассматривать как заполнение структурных пустот между двумя субъектами, однако в этих случаях влияние социального капитала больше смешивается с насилием и принуждением.

утратил статус посредника, и китайская преступность начала работать напрямую. Более интересно, что изначально являющаяся силовым предприятием Тамбовская группировка стала уделять внимание, как отмечает Галеотти, нелегальной торговле (контрабанде и незаконным товарам), а международно действующие российские группировки преуспели в качестве посредников на рынке международных преступных услуг.

Картина, изображённая Галеотти, даёт возможность выдвинуть предположение о выживаемости преступности прежде всего с точки зрения того, какими ресурсами она обладает. Организованная преступность существует как экономическое предприятие в том числе за счёт посреднических услуг, связывающих тех, кто хочет приобрести какие-либо ограниченные (незаконные, официально недоступные) товары в самом широком смысле. Следует оговориться, что однозначно определить владельца социального капитала затруднительно, поскольку граница между отдельным участником ОПГ (особенно её лидером), самой ОПГ, её клиентами и контрагентами может быть очень размытой. Кому бы мы ни приписывали обладание социальным капиталом, он скрепляет между собой различные части группировки, а также, когда выражается в связях с лицами вне группировки, может быть конвертирован в финансовый капитал.

Закономерным расширением оптики «преступность как экономическое предприятие» является применение концепции социального капитала, способствующего ведению легального бизнеса, к нелегальной экономической деятельности [McCarthy, Nagan 2001]. Соответственно, социальный капитал в экономической социологии рассматривается прежде всего как позитивное явление, содействующее улучшению благосостояния, однако криминология обращает внимание на тёмную сторону социального капитала, который поддерживает преступную деятельность [Baker, Faulkner 2004]. Социальному капиталу в незаконной деятельности уделено несколько меньшее внимание, чем насилию, однако литература, посвящённая социальному капиталу, существует (см. обзор литературы: [Carrington 2011: 246–247]). Работа Галеотти даёт подтверждение того, что исследования, проведённые в таком ракурсе, заслуживают внимания.

Можно также предположить, что роль социального капитала относительно насилия в экономическом функционировании преступности растёт вместе с отвоением государством монополии на насилие: это могло бы объяснить сохранение организованной преступности как посредника на рынке нелегальных после отъёма у неё насильственного ресурса. По мере приближения современности насилие и принуждение в ретроспективе Галеотти упоминаются в деятельности российских ОПГ всё реже, но мы, видимо, не можем отбросить их в сторону полностью: говоря о переходе Тамбовской ОПГ к преимущественно торговой деятельности, Галеотти отмечает, что вызвано это было не снижением роли насилия в деятельности ОПГ.

Структура организованной преступности в контексте конкуренции с государством

Ещё одно объяснение выживаемости преступности, почву для рассуждения о котором даёт Галеотти, состоит в децентрализации. Галеотти уделяет внимание не только ресурсам и продуктам организованной преступности, но и её структуре. Для выстраивания собственных рассуждений автор книги сосредоточивается на пяти группировках, соответствующих видам ОПГ, выделенным Управлением ООН по наркотикам и преступности. Галеотти суммирует свои наблюдения и считает, что «крупнее, важнее и масштабнее» [Галеотти 2019: 112] оказываются менее централизованные группы. Фактически автор упоминает структуру не только пяти выделенных им группировок, но и ряда этнических ОПГ, поэтому далее мы обратимся и к их судьбе, а также несколько дополним наблюдения самого Галеотти, поскольку успешными, на наш взгляд, оказываются ещё и децентрализовавшиеся группы.

Значение централизации для ОПГ Галеотти явным образом осмысляет применительно к «Уралмашу». «Милиция и конкуренты из криминального мира знали, на кого им нацеливаться в первую очередь, а для работы системы был необходим управленческий контроль сверху — и, следовательно, постоянный контакт между лидерами и подчинёнными» [Галеотти 2019: 114]. Тем не менее, как мы уже отмечали, Галеотти полагает, что «Уралмаш», оказавшись «обезглавленным», не пропал, а децентрализовался и отказался от публичности.

В отношении других группировок Галеотти показывает сходные паттерны, соответствующие идее о том, что преступности для выживания в борьбе с сильным государством требуется приоритет безопасности над эффективностью.

Тамбовскую ОПГ Галеотти считает, по классификации ООН, «основной группой», то есть такой организацией, в которой есть «основополагающая группа, которая не пытается управлять каждым аспектом повседневной деятельности, а, скорее, требует подчинения, когда она сочтёт его необходимым» [Галеотти 2019: 114]. В центре основополагающей группы Тамбовской ОПГ стоял прозванный ночным губернатором Петербурга Владимир Кумарин, после ареста которого Тамбовская ОПГ, как мы уже отмечали, утратила единство, но не перестала функционировать.

В высшей степени централизованной была группировка Тариэла Ониани, которую Галеотти рассматривал как одну из наиболее успешных этнических ОПГ в России. Автор предрёк ей распад в ближайшей перспективе из-за вероятных затруднений с подготовкой преемника авторитарного лидера. Хотя лишение свободы в 2010 г. не помешало Ониани продолжать контролировать группировку, предсказание Галеотти оказалось верным: пребывание Ониани на территории России было признано нежелательным, а сам он был экстрадирован в Испанию. Смерть лидера дальневосточного «Общак» и соответствующая утрата внутренней координации обусловили упадок ОПГ. Галеотти выделяет их лишь как одну из причин провала дальневосточного проекта, поэтому трудно утверждать, что именно централизация погубила группировку, однако отсутствие общего контроля внесло свой вклад.

Промежуточный пример — организация Деда Хасана, которая была сетью «полуавтономных сотрудничающих групп», то есть довольно децентрализованной по внутренней структуре, но централизованной с точки зрения замкнутости сети на лидере, с чьей смертью (причём, видимо, не от рук государства), по найденным Галеотти свидетельствам, влияние группировки начало падать.

Децентрализованные же организации, по Галеотти, демонстрируют не только эффективность, но и живучесть. Преступность в ГУЛАГе смогла просуществовать дольше обычных ОПГ 1990-х гг., будучи склеенной лишь отдельными «ворами в законе», которые связывали лагеря между собой. Однако в этом случае все можно списать на относительную слабость государства. Международно действующие российские группировки представляют собой широкую сеть нецентрализованных контактов и являются на данный момент одними из наиболее значимых криминальных бизнесов. Наконец, применительно к Солнцевской ОПГ Галеотти задаётся вопросом: «Что происходит, когда ваша организация оказывается настолько успешной, что вырастает до неуправляемых пределов?» [Галеотти 2019: 124].

Следующее предположение (а точнее, группа предположений), которое можно выдвинуть, связано с особенностями структуры группировок. Преступность сталкивается с необходимостью компромисса между эффективностью и безопасностью (*efficiency/security trade-off*) [Morselli, Giguere, Petit 2007]. Преступность должна балансировать: ей необходимо действовать, в том числе жёстко, и существовать непублично, чтобы защитить себя от государственного внимания. В условиях слабой государственности такой компромисс существенно сглажен: у государства не всегда хватает ресурсов для того, чтобы вытеснить даже весьма публичного конкурента. Однако после утверждения государства децентрали-

зованные ОПГ становятся более живучими. Материал Галеотти даёт основания предложить несколько связанных объяснений:

в условиях конкуренции силовых предприятий централизованная структура может стать большой проблемой с точки зрения безопасности: главе централизованной ОПГ сложнее не выдать себя конкурентам в лице государства или других ОПГ, поэтому он в некотором смысле более «публичен» (на нём сосредоточено слишком много связей и коммуникации, которые могут быть отслежены), что делает его группировку уязвимой;

централизация усложняет долгое существование ОПГ, поскольку не даёт диверсифицировать риски выбытия лидера ОПГ. Эти риски на материале Галеотти можно объяснить несколькими факторами: группа (1) утрачивает внутреннюю координацию (дальневосточный «Общак»); (2) теряет лидера как обладателя особых связей (группировка Деда Хасана). Оба фактора можно осмыслить в терминах социального капитала. В первом случае социальный капитал лидера позволяет управлять набором относительно автономных субъектов; во втором — связи лидера конвертируются в финансовый капитал группировки, которая процветает за счёт занятия позиции в общественной сети.

Заключение

Предлагаемая Галеотти картина хорошо вписывается в представление о конкуренции государства и преступности за возможность применять насилие. Однако у Галеотти ОПГ после атаки централизованного государства необязательно перестают существовать или легализуются. Они проигрывают конкуренцию с государством за насилие как ключевой ресурс силового предпринимательства, которым далее занимается уже государство, однако продолжают существовать. Такой акцент на сохранении ОПГ закономерно вызывает вопрос о причинах выживания. Работа Галеотти даёт почву для двух групп гипотез: первая связана с ресурсами и продуктами преступных предприятий; вторая — с особенностями их структуры.

Мы можем предположить, что ограничение доступа к силовому предпринимательству, использующему насилие для создания суррогата доверия или определённости, приводит к тому, что преступность начинает использовать социальный капитал как ресурс с целью, возможно, условно ненасильственной конвертации его в доход за продажу преступных товаров и услуг.

Можно также предположить, что децентрализованная структура ОПГ связана с выживаемостью преступности. Материал Галеотти даёт нам два непротивоположных объяснения этого. Во-первых, ключевые организаторы могут становиться слишком «публичной» целью для конкурентов ОПГ — других группировок или государства. Во-вторых, децентрализация является способом диверсификации двух рисков — утраты внутреннего координатора деятельности ОПГ и лица, вокруг которого сосредоточен основной социальный капитал группировки.

Работа Галеотти описывает историю российской организованной преступности в весьма общих чертах, поэтому к нашим предположениям следует относиться осторожно. Тем не менее наш гипотетический анализ не должен умалять интерес к самой книге для исследователей преступности и социального капитала.

Литература

- Волков В. В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Галеотти М. 2019. *Воры. История организованной преступности в России*. М.: Individuum.
- Гулин И. 2019. Марк Галеотти, «Воры». *Коммерсантъ*. 14 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3992935>
- Крючков И. 2016. Власти России игнорируют данные своей внешней разведки. *Газета.ru*. 16 мая. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/12_a_8231153.shtml?updated
- МВД РФ. 2019. *Из России экстрадирован Тариел Ониани*. 23 октября. URL: <https://мвд.рф/news/item/18711508>
- Фочкин О. 2019. О ворах для фраеров и иностранцев. Рецензия на книгу Марка Галеотти «Воры». *Горький*. URL: <https://gorky.media/reviews/o-vorah-dlya-fraerov-i-inostrantsev/>
- Baker W. E., Faulkner R. R. 2004. Social Networks and Loss of Capital. *Social Networks*. 26 (2): 91–111.
- Bullough O. 2018. The Vory: Russia's Super Mafia Review — A Kleptocracy in the Making. *The Guardian*. 9 April. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/09/the-vory-russias-super-mafia-mark-galeotti-review>
- Burt R. S. 2001. Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. In: Lin N., Cook K., Burt R. S. (eds) *Social Capital. Theory and Research*. New York: Aldine De Gruyter; 31–57.
- Carrington P. J. 2011. Crime and Social Network Analysis. In: Scott J., Carrington P. J. (eds) *Sage Handbook of Social Network Analysis*. London: Sage Publications Ltd; 236–255.
- Davis P. 2018. Opinion: The Vory: Russia's Super Mafia. By Mark Galeotti. Yale University Press, \$28, 344 pages. *The Washington Times*. 29 July. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/jul/29/book-review-the-vory-by-mark-galeotti/>
- Gambetta D. 1993. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hamill K. 2022. SWJ Book Review — The Vory: Russia's Super Mafia. *Small Wars Journal*. 17 July. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/swj-book-review-vory-russias-super-mafia>
- Kuzio T. 2019. The Vory. Russia's Super Mafia. *Europe-Asia Studies*. 71 (2): 329–331.
- McCarthy B., Hagan J. 2001. When Crime Pays: Capital, Competence, and Criminal Success. *Social Forces*. 79 (3): 1035–1059.
- Montefiore S. S. 2018. The Vory: Russia's Super Mafia by Mark Galeotti — review: “These Guys Make Sicily's Crime Families Look Soft”. *Evening Standard*. 29 March. URL: <https://www.standard.co.uk/culture/books/the-vory-russia-s-super-mafia-by-mark-galeotti-review-a3802201.html>

Morselli C., Giguere C., Petit K. 2007. The Efficiency/Security Trade-Off in Criminal Networks. *Social Networks*. 29 (1): 143–153.

Slade G. 2018. Mark Galeotti, *The Vory: Russia's Super-Mafia*. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 19. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/5057>

Vincent M. 2019. *The Vory: Russia's Super Mafia*. By Mark Galeotti. New Haven: Yale University Press, 2018. xiv, 326 pp. Appendix. Notes. Bibliography. Glossary. Index. Illustration. Plates. Photographs. \$28.00 hard bound; \$18.00 paper. *Slavic Review*. 78 (4): 1090–1092.

Weber Y. 2018. *The Vory: Russia's Super Mafia*. *International Affairs*. 94 (6): 1469–1471.

NEW BOOKS

Viktor Ledenev

Social Capital of Organized Crime

Book Review: Galeotti M. 2019. *Vory. Istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii* [The Vory: Russia's Super Mafia], Moscow: Individuum (in Russian). 448 p.

LEDENEV, Viktor —

Master's Student,
"Empirical studies of law",
European university at
Saint-Petersburg. Address:
Gagarinskaya str. 6/1, A,
191187, St. Petersburg,
Russian Federation.

Email: vledenev@eu.spb.ru

Abstract

This review is dedicated to the analysis of the Russian translation (2019) of Mark Galeotti's book *The Vory's. Russia's Super Mafia* (2018). The book addresses the historical background and current development of organized crime in Russia. Galeotti rejects to subject his material to any specific sociological theory and uses instead the descriptive language of economics. This review seeks to find a relevant theoretical context for Galeotti's study of crime and criminality in Russia. The review consists of four parts. The first part provides general overview of the book. The second part explores the concept of criminality in its opposition to the state as an agent of legal violence. According to Galeotti's, Russian criminals have lost the competition but have not ceased to exist. The third and the fourth parts discuss several hypotheses why criminality persist in Russia. In the third part the persistence of criminality is explained with the wide range of resources which include not only violence but social capital resulted from fitting structural holes. Having essentially lost an opportunity to convert violence into income, organized crime had to switch to the role of a mediator between demand and supply for illegal goods and services. In the fourth part of the review the persistence of criminality is explained by decentralization. The network closure around a leader can be seen as a factor of an effective concentration of resources. However, in the context of the competition between violent entrepreneurs, centralization becomes problematic since it hinders the diversification of syndicate's resources, including its social capital, and makes it harder to act covertly.

Keywords: organized crime; violent entrepreneurship; criminal network; social capital; structural holes; social network closure.

References

Baker W. E., Faulkner R. R. (2004) Social Networks and Loss of Capital. *Social Networks*, vol. 26, no 2, pp. 91–111.

Bullough O. (2018) The Vory: Russia's Super Mafia Review — A Kleptocracy in the Making. *The Guardian*. 9 April. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/09/the-vory-russias-super-mafia-mark-galeotti-review> (accessed 2 March 2023).

Burt R. S. (2001) Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. *Social Capital. Theory and Research* (eds. N. Lin, K. Cook, R. S. Burt), New York: Aldine De Gruyter, pp. 31–57.

Carrington P. J. (2011) Crime and Social Network Analysis. *Sage Handbook of Social Network Analysis* (eds. J. Scott, P. J. Carrington), London: Sage Publications Ltd, pp. 236–255.

- Davis P. (2018) Opinion: The Vory: Russia's Super Mafia. By Mark Galeotti. Yale University Press, \$28, 344 pages. *The Washington Times*. 29 July. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/jul/29/book-review-the-vory-by-mark-galeotti/> (accessed 2 March 2023)
- Fochkin O. (2019) O vorakh dlya phrayerov i inostrantsev. Retsenziya na knigu Marka Galeotti "Vory" [About Vory for Fraers and Foreigners. Review of the Mark Galeotti's Book "Vory"]. *Gorky Media*. Available at: <https://gorky.media/reviews/o-vorah-dlya-fraerov-i-inostrantsev/> (accessed 2 March 2023) (in Russian).
- Gambetta D. (1993) *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Galeotti M. (2019) *Vory. Istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii* [The Vory: Russia's Super Mafia, Moscow: Individuum (in Russian).
- Gulin I. (2019) Mark Galeotti, «Vory». *Kommersant*. 14 June. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3992935> (accessed 2 March 2023) (in Russian).
- Hamill K. (2022) SWJ Book Review — The Vory: Russia's Super Mafia. *Small Wars Journal*. 17 July. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/swj-book-review-vory-russias-super-mafia> (accessed 2 March 2023).
- Kryuchkov I. (2016) Vlasti Rossii ignoriruyut dannye svoe vneshney razvedki [Russian Authorities Ignore Data of Its' Own Foreign Intelligence]. *Gazeta.ru*. 16 May. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/12_a_8231153.shtml?updated (accessed 2 March 2023) (in Russian).
- Kuzio T. (2019) The Vory. Russia's Super Mafia. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 2, pp. 329–331.
- McCarthy B., Hagan J. (2001) When Crime Pays: Capital, Competence, and Criminal Success. *Social Forces*, vol. 79, no 3, pp. 1035–1059.
- MIA RF (2019) *Iz Rossii ekstradirovan Tariel Oniani* [Tariel Oniani has been Extradited from Russia]. 23 October. Available at: <https://мвд.рф/news/item/18711508> (accessed 2 March 2023) (in Russian).
- Montefiore S. S. (2018) The Vory: Russia's Super Mafia by Mark Galeotti — review: "These Guys Make Sicily's Crime Families Look Soft". *Evening Standard*. 29 March. Available at: <https://www.standard.co.uk/culture/books/the-vory-russia-s-super-mafia-by-mark-galeotti-review-a3802201.html> (accessed 2 March 2023).
- Morselli C., Giguere C., Petit K. (2007) The Efficiency/Security Trade-Off in Criminal Networks. *Social Networks*, vol. 29, no 1, pp. 143–153.
- Slade G. (2018) Mark Galeotti, The Vory: Russia's Super-Mafia. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, iss. 19. Available at: <https://journals.openedition.org/pipss/5057> (accessed 2 March 2023).
- Vincent M. (2019) The Vory: Russia's Super Mafia. By Mark Galeotti. New Haven: Yale University Press, 2018. xiv, 326 pp. Appendix. Notes. Bibliography. Glossary. Index. Illustration. Plates. Photographs. \$28.00 hard bound; \$18.00 paper. *Slavic Review*, vol. 78, no 4, pp. 1090–1092.

Volkov V. V. (2012) *Silovoe predrinitatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Violent Entrepreneurship, XXI Century: Economic and Sociological Analysis], St. Petersburg: European University in Saint-Petersburg (in Russian).

Weber Y. (2018) The Vory: Russia's Super Mafia. *International Affairs*, vol. 94, no 6, pp. 1469–1471.

Received: January 12, 2023

Citation: Ledenev V. (2023) Sotsial'nyy kapital organizovannoy prestupnosti [Social Capital of Organized Crime. Book Review: Galeotti M. 2019. *Vory. Istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii* [The Vory: Russia's Super Mafia], Moscow: Individuum (in Russian). 448 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 2, pp. 168–180. doi: [10.17323/1726-3247-2023-2-168-180](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-2-168-180) (in Russian).